
С.И. Кормилов

Два патриотизма

К 25-летию Бородинского сражения Лермонтов опубликовал стихотворение «Бородино» (1837). Собственно описанию битвы в нем посвящены лишь три строфы (уникальных семистишия ААБВВВБ с пятью стихами четырехстопного и двумя — трехстопного ямба) из четырнадцати, рассказу о том, что непосредственно предшествовало сражению, — вдвое больше. Напряжение томительного ожидания, подготовленного долгим отступлением и ропотом ветеранов, разрешается динамичной батальной картиной. В ней одна строфа рассказывает об атакующих французах, другая («Вам не видать таких сражений!...») — о кульминации битвы, когда бойцы и кровавые тела перемешались между собой, третья продолжает вторую, но в ее начале вновь называется враг, теперь получивший заслуженное: «Изведал враг в тот день немало, / Что значит русский бой удалый...» Из рассказа «дяди» явствует, что он артиллерист, но говорит он от лица всей русской армии, в том числе пехотинцев, работавших штыком («Рука бойцов колоть устала»). Белинский восхищался «простотою, безыскусственностью» речи старого солдата. Разговорные и просторечные слова и выражения есть и в обращении молодого солдата («Москва, спаленная пожаром», «схватки боевые»), и в монологе «дяди»: «Плохая им досталась доля», «досадно было», «ворчали старики», «Есть разгуляться где на воле!», «У наших ушки на макушке!», «угощу я друга!» (ирония в отношении недруга), «Два дня мы были в перестрелке. / Что толку в этакой безделке?», «Прилеж вздремнуть я у лафета», «Ну ж был денек!» и т. д. Оба собеседника называют французов собирательно — «француз», а для «дяди» это еще и «брат, мусью». Особенно показательно выражение «драгуны с конскими хвостами». Плюмаж на касках превратился чуть ли не в признак нечистой силы.

Однако романтизм в 1837 года далеко еще не сдал позиций и сказывается в «Бородине». «Полковник наш» все-таки не *родился* «хватом», а «рожден был», он не штыком заколот, а «сражен булатом»; перед боем «молвил он, сверкнув очами», солдат же из рядов это сверканье очей как бы разглядел и запомнил. Рядом с очень точным «картечь визжала» будет «звучал булат», «Носились знамена как тени» (ранее «на поле грозной сечи / Ночная пала тень»). Но Белинский не заметил в речи солдата никаких стилистических противоречий, столь еще привычной была прежняя поэтика.

Романтическим было и противопоставление поколений. Для солдат оно не являлось актуальным. Лермонтов просто устами «дяди» бросает упрек сверстникам, людям своего круга, которые были не «богатыри», и ничуть не смущается условностью такого приема. Но в «Бородине» отсутствует мотив славы (который подчеркивался в предварявшем его стихотворении начала 1830-х «Поле Бородина»). Это позиция чисто народная, простые люди без мысли о каком-либо воздаянии готовы постоять «за родину свою!», и с ними вместе полковник-«хват», «слуга царю, отец солдатам». «Не будь на то Господня воля, / Не отдали б Москвы» — объяснение тоже простое, безыскусственное, само собой разумеющееся для рассказчика и в данном случае сливающегося с ним автора.

Несмотря на это, «Бородино» — все-таки прославление русского оружия. Навоевавшись в 1840 году на Кавказе, Лермонтов перестал поэтизировать войну в любых обликах, оценил все самое непритязательное в исконной России, из которой его выпроводили.

<...>